

Маша Царева

НЕБО. ПАРАШЮТ. ЮНОША

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц18

Царева, М.

Ц18 Небо. Парашют. Юноша / М. Царева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 288 с. — (Московский бестиарий).

ISBN 978-5-521-74005-5

Саша Кашеварова решает заняться экстремальными видами спорта, вернее, экстремальными спортсменами. Но покорить сердце любимого мужчины можно, если ты согласишься покорить с ним Ниагарский водопад или на худой конец Останкинскую телебашню. Саша Кашеварова согласна прыгать без запасного парашюта с любых высотных зданий, только бы не упустить своё счастье.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74005-5

© Маша Царева, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ГЛАВА 1

Неприятности мои начались тринадцатого числа, в понедельник.

Проснувшись под вой будильника (мои настольные часы по утрам изрыгают переливчатые трели пожарной сирены, только эти адовы звуки способны привести меня в вертикальное положение, под нежное монотонное «ту-ту-ту» я засыпаю еще крепче), — так вот, подскочив на кровати, я изо всех сил ударилась лбом о второй ярус оной. И только тогда, потирая ушибленную голову и плаксиво матерясь, вспомнила, что накануне мама перевезла ко мне в квартиру мою же старую детскую двухъярусную кроватку. Видите ли, родительская однокомнатная территория слишком тесна для хранения такого раритета. А выбрасывать жалко.

Весь вчерашний вечер я смотрела на кровать эту, крошечный клочок беззаботного детства, и молча грустила. Знаю, что мои родители мечтали о втором ребенке, поэтому и ложе приобрели двухэтажное. Но что-то у них не сложилось, и верхний ярус навсегда остался пустым.

И вот вчерашним вечером, пойдя на поводу у щемящей ностальгии, я, двадцатидевятилетняя

женщина, взгромоздилась на детскую кровать, прихватив с собой пушистый плед и коробочку шоколадных конфет с ликером. Да и, конечно, философские размышления о том, что детство давно прошло, а кроватка осталась, не могли обойтись без бутылочки «мерло».

Я думала, что сон мой будет по-детски беззаботным и крепким. Что приснится мне не перекошенная физиономия начальника, скандирующего: «У-во-лю!», не укоризненный взгляд подружки, которой я вот уже два месяца деньги должна... А, например, веснушчатый Витька Потапов из седьмого класса «А», который на переменах бьет меня по спине учебником географии, а вечерами названивает домой и подолгу сопит в трубку.

В итоге же моя чертова сентиментальность обернулась микротравмой головы.

Спустив босые ноги с кровати, я попала пятой аккурат в блюдечко с окурками.

Когда выяснилось, что горячей воды нет, а электрический чайник отчего-то закапризничал и сломался, я даже не удивилась. Не везет так не везет. И бесполезно сопротивляться такому непредсказуемому явлению, как неудачный день.

Спрятав грязные волосы под бандану и кое-как ликвидировав следы вчерашнего полуночного распития вина — синяки под глазами, легкую припухлость век — я уже собиралась отчаливать на работу. Когда вдруг ожил телефон.

Пришлось протопать в уличных туфлях по паркету в несмелой надежде: а вдруг это звонит

тот широкоплечий блондин, которому я впарила свою визитную карточку на какой-то вечеринке в прошлую пятницу?

Но нет — это была всего лишь мама.

— Сашенька! Как твои дела? — накинулась на меня бодрая, свежая, полная новых утренних сил родительница. — Как кровать?

— В прямом смысле головокружительно. — Я хмуро потрогала болезненно пульсирующую шишку на лбу.

— И все?

— А что еще? — удивилась я. — Между прочим, я сегодня даже на ней спала. Снова почувствовала себя ребенком.

Я думала, что родительница искренне обрадуется тому, что нелепый мебельный предмет, навязанный ею, был использован по прямому назначению. Но характерное раздраженное причмокивание говорило об обратном.

— Вообще-то я надеялась, что, взглянув на эту кровать, ты наконец почувствуешь себя взрослой, — печально вздохнула мама.

— Ма, не понимаю тебя... — Тут мой взгляд случайно упал на электронные часы, и я подскочила, как на электрическом стуле: — Все, мам, на работу опаздываю. Давай я тебе вечером перезвоню. Надо бежать!

— Вот так и пробегаешь всю жизнь, — трагическим полусшепотом предсказала мама.

— Да что на тебя нашло с утра пораньше?! — Я нервно поправила сумку на плече. Так, рабочий

день начался десять минут назад. Будем надеяться, что главному редактору газеты, в которой я тружусь спецкором, не придет в голову пересчитывать количество редакционных ранних пташек. Иначе мне крышка. Премии в конце месяца не видать. А я и так в долгах по уши.

— Я думала, что детская кроватка натолкнет тебя на мысль о ребенке,— теперь уже умоляющим тоном изрекла мама,— твоим ребенке, Сашенька.

От неожиданности я даже поперхнулась. Может быть, мама с утра пораньше тоже шмякнулась лбом о какую-нибудь не замеченную вовремя твердыню? Иначе с чего бы в ее голове появились такие революционные мысли?

Впрочем, я прекрасно знала, что родители недовольны моим ветреным образом жизни, моей работой, тем, как неразумно трачу я деньги. Мама никак не может понять, с какой стати в шкафу одиноко живущего человека утнездились двадцать семь коробок с босоножками и двенадцать купальников. Читать ей лекции о моде и стиле бесполезно, пробовала. Но обычно родительские претензии ограничивались несмелыми мечтами из серии: «Ну когда же ты научишься есть, не удеывая стол крошками?» А теперь мама ни с того ни с сего заговорила о каком-то ребенке!

Чудеса!

— Мам, чтобы думать о ребенке, надо как минимум обзавестись мужчиной для регулярного спаривания.

— Фу, как грубо.

— Зато правда,— хмыкнула я,— не могу же я размножаться методом клеточного деления. Хотя это было бы удобно. Наверное.

— Сашенька, как ты меня расстраиваешь,— прошелестела мама,— ведь через две недели тебе исполнится тридцать лет.

— Ну все, хватит с меня! — Я шмякнула трубку на рычаг и решительным шагом проследовала в прихожую. Телефон тут же зазвонил снова, но я и не подумала вернуться. Даже когда я, заперев дверь, спускалась вниз по лестнице, пытаюсь при этом найти золотую скоростную середину,— чтобы и на работу не очень опоздать, и каблуки вместе с ногами не переломать,— даже тогда я продолжала слышать этот требовательный и какой-то наглый звонок. Как будто бы самому телефонному аппарату вздумалось изрыгнуть обидное обвинение: а тебе, мол, скоро тридцать. Старая ты дура.

Ну да.

Мне скоро тридцать. И что? Послушать окружающих, так тридцатилетие — это коварная болезнь, еще хуже хронической диареи. Ее симптомы таковы: сначала ты вдруг обнаруживаешь, что любимые «студенческие» брюки перестали сходиться на талии. Потом у тебя начинается череда беспричинных депрессий, потом твой гинеколог, тактично хмыкнув, интересуется потенциальным потомством. («Я еще не созрела для материнства, ясно тебе, дурень?!» — кричишь ты

ему, а он с печальным вздохом мудреца прописывает тебе успокоительный травяной отвар.) Потом какая-нибудь малолетняя ехидна из офиса задушевым голосом советует испробовать маску от морщин на шее. Потом ты встречаешь в трамвае бывшего одноклассника, того самого, который писал тебе записочки с сопливыми признаниями и клялся в вечной любви. Он из вежливости интересуется, как твои дела, и услышав сдавленное «нормально», начинает многословный радостный рассказ о собственной счастливой жизни. О том, как он социально успешен, леший его побери. Он получил повышение и собирается купить «фордик», женился на участнице какого-то дебильного конкурса красоты, а его первенец позавчера наконец-то выдал слово «папа». Он доверительно распахнет перед тобой бумажник, чтобы продемонстрировать фотографию миловидной блондинки.

Вернувшись домой, ты выкуришь пять сигарет подряд, лаконично всплакнешь и подумаешь: а может быть, зря я его тогда отвергла? И почему я такая категоричная? Глядишь, сейчас бы он мою фотку кому-нибудь под нос тыкал. Пустячок, конечно, но, согласитесь, приятно.

Мою-то физиономию ни одна сука не прячет сентиментально в своем бумажничке.

Вот что такое злополучное тридцатилетие, по мнению большинства.

А теперь попробуем взглянуть на ту же ситуацию с другой, независимой стороны.

Любимые студенческие брюки перестали сходиться на моей талии, когда я еще не успела защитить диплом. Склад характера у меня не депрессивный. Антивозрастная косметика мне объективно пока не нужна. Мой материнский инстинкт спит, как отработавший три смены подряд лесоруб. Да и связать себя матримониальными узами я, честно говоря, не тороплюсь. Живу я одна, встаю поздно, не утруждаю себя приготовлением сложных блюд, хожу на свидания, а все свободные деньги просаживаю на косметику, книжки, одежду и путешествия. Такой благостно-эгоистичный быт меня вполне устраивает.

При всем том я не являюсь закоренелой холостячкой. Я готова измениться, если мне встретится мужчина, которого я полюблю настолько, чтобы разделить с ним кров, хлеб и стиральную машину. Время от времени такие уникамы мне попадаются (влюбчивая я!) — но в итоге каждый из них оказывается очередным звеном в цепи «обманок».

Но я никуда не тороплюсь. Ведь мне — ха-ха, всего тридцать. Между прочим, одна моя лондонская подружка, Эми, в прошлом месяце впервые вышла замуж. Ей тридцать шесть. Когда меня утормозило поинтересоваться, почему она так долго тянула, Эми выпучила глаза и сказала, что в возрасте более молодом ее интересовали совсем другие вещи — образование, карьера, путешествия.

Так что волноваться мне нечего.

Надеюсь, я вас убедила.

Так почему же все окружающие строят брови «домиком» и скорбно опускают уголки губ, стоит мне заговорить о самостоятельности?

Обо всем этом я размышляла по дороге на работу, в метро. А что еще делать в переполненном вагоне, балансируя на одной ноге и стараясь «отжиматься» от типа справа, от которого разит, как от мусорной кучи, полдня протомившейся на солнцепеке. Я пыталась отвлечься от утренней давки, размышляя о позитивных моментах тридцатилетия. Но потом настолько увлеклась, что пропустила две остановки. Пришлось бодрым галопом возвращаться обратно.

Так вот и получилось, что в понедельник, тринадцатого числа, я в очередной раз опоздала на работу.

* * *

— Александра, у меня есть замечательная идея,— сказал мой начальник, главный редактор газеты «Новости Москвы» Максим Леонидович Степашкин.

Я насторожилась — бойтесь боссов, идеи дарующих. Но выдать ироничный комментарий не посмела — все-таки я припозднилась, а он был настолько великодушен, что притворился, будто ничего не заметил.